

А. С. Жанбосинова, Н. А. Потапова, А. И. Савин

«Немецкая» операция в Казахской ССР (1937–1938 годы): к вопросу об этнической составляющей Большого террора

**Жанбосинова
Альбина Советовна**
д-р ист. наук,
проф., Восточно-
Казахстанский
государственный
университет им.
С. Аманжолова
(Усть-Каменогорск,
Казахстан)

**Потапова
Наталья
Анатольевна**
канд. ист.
наук, стажер-
исследователь,
Институт истории
СО РАН
(Новосибирск, Россия)

**Савин Андрей
Иванович**
канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Институт истории
СО РАН
(Новосибирск, Россия)

Большой террор вызвал, вызывает и будет вызывать в обозримом будущем повышенный интерес историков, так как он породил серьезные общественно-политические, культурные, экономические и демографические последствия. За последние годы историография добилась крупных успехов в изучении наиболее массовой карательной акции 1937–1938 гг. — операции по приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447, которая также вошла в историю под названием «кулацкая». Именно в ходе этой операции, по меткому замечанию М. Юнге и Р. Биннера, террор приобрел новое качество и стал «большим»¹. Историки бесспорно доказали, что данная карательная акция носила планомерный, осознанный и подконтрольный характер, и тем самым продемонстрировали несостоятельность теорий о слепом и стихийном терроре. После этого стала очевидна преемственность операции, проводимой на основании приказа № 00447, к предыдущим массовым карательным акциям сталинизма, в первую очередь к репрессиям в отношении крестьян в 1930–1933 гг.

Зато так называемые национальные операции НКВД, нацеленные на ряд национальных меньшинств, рассматриваемых советским руководством в качестве потенциальной пятой колонны в грядущей мировой войне, продемонстрировали резкий разрыв с предыдущей национальной политикой большевиков. Разрыв преемственности

оказался настолько резким, что неоднократно ставил историков в тупик. Так, Ю. Слезкин в своем известном эссе о СССР как коммунальной квартире предпочел практически игнорировать вопрос о месте и роли операций НКВД по «национальным» линиям и не стал объяснять, каким образом «этнофильский» большевистский режим неожиданно превратился в «этнофобский»².

Главным выходом из этого теоретического тупика стала концепция этнизации сталинизма: если в годы революции, Гражданской войны и нэпа большевики считали своими главными врагами представителей чуждых «эксплуататорских» классов и групп, то уже в 1930-е, и особенно в 1940-е годы, главными жертвами сталинского режима стали национальные меньшинства и «враждебные» этнические группы. Таким образом, национальный аспект якобы получил в сталинской репрессивной политике приоритет над социальным, произошла «этнизация образа врага».

Один из авторов настоящей статьи неоднократно выступал с критикой концепции этнизации сталинизма. Основываясь на изучении «немецкой» операции в Западной Сибири, А. И. Савин в 2012 г. сформулировал тезис о тенденции этнизации карательной политики сталинизма, которая была «крайне непоследовательной, неустойчивой, растянутой по времени и переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным, классовым и политическим мотивам репрессий»³. При этом глупо отрицать очевидную эволюцию национальной политики большевиков в направлении от поощрения национального многообразия к его сворачиванию. Русификация второй половины 1930-х годов, которую иногда называют национал-большевизмом, стала следствием неудачи проекта советизации национальных меньшинств посредством национальных приводных ремней масс: так называемой коренизации партийно-государственных элит, широкого использования национальных языков и культуры.

За прошедшие годы наблюдается определенный прогресс в изучении «национальных» операций НКВД, связанный в первую очередь с публикацией документов из архивов органов безопасности бывших союзных республик. На первом месте здесь по праву находится архив Службы безопасности Украины, опубликовавший в сотрудничестве с немецкими историками из Норд-Ост-Института при Гамбургском университете объемный том документов, посвященный «немецкой операции» на Украине⁴. Необходимо также отметить двухтомник «Большой террор в маленькой кавказской республике», где опубликованы документы НКВД Грузинской ССР⁵. Обнадеживающую работу в этом же направлении ведут историки и архивисты Казахстана. Кроме того, усилиями отдельных исследователей, в том числе одним из авторов данной статьи, Н. А. Потаповой, в научный оборот вводятся новые документы из Центрального архива ФСБ РФ, посвященные «национальным» операциям⁶. Это дает все больше и больше оснований переводить вопрос об этнизации сталинизма из сферы умозрительных конструкций в область фактов, а также распознавать региональную специфику и амбивалентность «национальных» операций НКВД.

В настоящей статье на примере «немецкой» операции в Казахстане с опорой на ранее неизвестные исследователям директивы НКВД СССР и внутреннюю статистику НКВД авторы намереваются вновь обсудить тезис об

этнической составляющей Большого террора, равно как и обоснованность его критики.

Ксенофобия, шпиономания и «этнизация» карательной политики в свете директив НКВД СССР. С августа 1937 по ноябрь 1938 г. органы НКВД СССР провели в общесоюзном масштабе 11 «национальных» карательных акций, а именно: «польскую», «немецкую», «харбинскую», «финскую», «эстонскую», «латышскую», «греческую», «иранскую», «афганскую», «румынскую» и «смешанную»⁷ операции. Из этих карательных акций специально изучались только четыре: «польская»⁸, «немецкая»⁹, «харбинская»¹⁰ и «греческая»¹¹. Согласно данным НКВД СССР, в результате «национальных» операций в период с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. было осуждено около 347 тыс. чел.¹² Алгоритм изучения массовых карательных акций против «инонационалов» был предложен Н. В. Петровым и А. Б. Рогинским, которые пришли к выводу, что приказ № 00485 («польский») стал модельным для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на новый процессуальный порядок осуждения в практике ОГПУ — НКВД — «альбомный».

Историкам сегодня известен ряд директивных документов НКВД СССР, направлявших и дирижировавших «национальные» операции. В первую очередь речь идет об оперативном приказе НКВД СССР от 25 июля 1937 г. № 00439 об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР¹³; оперативном приказе от 11 августа 1937 г. № 00485 «Об операции по репрессированию членов “ПОВ”, военнопленных полесской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобменных из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий»; оперативном приказе от 20 сентября 1937 г. № 00593 об операции по репрессированию так называемых харбинцев; шифротелеграмме от 30 ноября 1937 г. № 49990 о ликвидации шпионско-диверсионных и националистических контрреволюционных организаций латышей; приказании от 11 декабря 1937 г. № 50215 об аресте и следствии в отношении греков, подозревавшихся в шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе; шифровке от 29 января 1938 г. № 202 об аресте всех иранцев и иранских армян, подозревавшихся в шпионской, вредительской, диверсионной, повстанческой, националистической и иной антисоветской деятельности, а также меморандуме от 16 февраля 1938 г. № 326 об аресте всех афганцев (афганских подданных и советских граждан), подозревавшихся в шпионской, вредительской, диверсионной, террористической, повстанческой и националистической работе.

Указанные директивы создали основу наших представлений о карательных акциях, но, поскольку все они были «стартовыми», т. е. давали сигнал к началу той или иной операции, они не содержат (или содержат недостаточно) сведений о том, как реально осуществлялись эти репрессии. В первую очередь под вопросом остаются степень этнического фактора в действиях НКВД и глубина этнизации карательной политики. Репрессии по этническому принципу подразумевают тотальность и «всеядность» карательной машины. Когда сама национальность становится главным признаком врага, все остальные критерии

теряют свое значение. Но как только возникает фактор селекции жертв, как только карательные органы начинают демонстрировать избирательность, то тотальность этнического террора, а вместе с ней и сама этнизация карательной политики оказываются под вопросом.

Проведем короткий анализ ряда директивных документов НКВД 1937–1938 гг. с точки зрения градуса ксенофобии и оппозиции «тотальность — селективность» в выборе жертв из числа «националов». Эти документы были выявлены за последние несколько лет Н. А. Потаповой.

Новые документы центрального аппарата НКВД СССР свидетельствуют в первую очередь о зашкаливающем градусе ксенофобии и шпиономании, охватившей советское руководство во второй половине 1930-х годов. Налицо было стремление не просто свести к минимуму потенциальные контакты советских граждан и за границы, но и самыми brutальными методами ликвидировать саму инфраструктуру подобных связей, в том числе путем физической изоляции или уничтожения лиц, замеченных в поддержании любых сношений с «враждебным капиталистическим окружением». Жестокий удар обрушился на всех без исключения «контактеров» — посетителей иностранных посольств и консульств на территории СССР. Оперативный приказ НКВД СССР от 28 октября 1937 г. № 00698 об агентурно-следственной работе относительно работников посольств и консульств Германии, Японии, Италии и Польши требовал «тщательно организованным агентурным и наружным наблюдением выявить и применением широких репрессий пресечь все связи посольств и консульств этих стран с советскими гражданами, подвергая немедленному аресту всех советских граждан, связанных с личным составом этих диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения»¹⁴. Поскольку значительную часть «контактеров» составляли именно представители национальных меньшинств, они оказались в числе жертв «национальных» операций.

Такая же тотальность (немедленный поголовный арест) практиковалась в отношении перебежчиков — еще одного «канала связи» СССР и зарубежья. 1 февраля 1938 г. Ежов своим меморандумом № 234 до крайности ужесточил порядок рассмотрения дел перебежчиков. Приказывалось всех новых перебежчиков «вне зависимости от мотива перехода их на территорию СССР, немедленно арестовывать». Тех, кого органы «прямо или косвенно» подозревали в шпионаже, диверсии или «иных антисоветских намерениях», Ежов приказал предавать суду военного трибунала с обязательным применением расстрела. Дела тех, кто не имел злого умысла, приказывалось передавать на Особое совещание НКВД СССР и приговаривать к десяти годам тюремного заключения¹⁵. Здесь вновь налицо минимальная селекция жертв при максимальной жестокости наказания.

Шпиономания приобрела настолько тотальный характер, что из лагерей ГУЛАГа перестали освобождать людей, осужденных ранее по обвинению в шпионаже в пользу иностранных государств и отбывших срок наказания. Об этом свидетельствует приказ НКВД СССР от 11 февраля 1938 г. № 0051 «О расследовании случаев освобождения из лагерей лиц, осужденных по признакам польского шпионажа». Прощтрафившимся начальникам Бамлага и Белбалтлага,

освободившим трех эков без санкции Москвы, а также всем остальным начальникам лагерей и мест заключений приказывалось «прекратить освобождение осужденных по признакам польского шпионажа и польперебежчиков, отбывших срок». Впредь дела такой категории лиц должны были передаваться на Особое совещание, которое, очевидно, выносило приговоры к новым срокам¹⁶.

Рука об руку с ксенофобией шла этнизация террора. Хотя практически во всех приказах (по модели приказа № 00485) вычленялись целевые группы карательной акции, что свидетельствует о предварительной селекции жертв, были также директивы, все больше ориентировавшие аппараты госбезопасности на тотальный террор в отношении «инонационалов». В этом отношении интересно сравнить шифротелеграмму НКВД СССР от 30 ноября 1937 г. № 49990 «О ликвидации шпионско-диверсионных и националистических контрреволюционных организаций латышей» и меморандум НКВД СССР от 30 ноября 1937 г. № 50499 о подготовке и проведении операции по «латышской» линии.

Если в шифротелеграмме были выделены восемь целевых групп операции, то в меморандуме нет речи о какой-либо тщательной селекции жертв. Ежов требовал подготовить аресты всех без исключения руководителей и активистов официальных латышских учреждений и организаций на территории СССР, таких как филиалы культурно-просветительского общества «Прометей», латышские клубы, писательские общества, издательства, газеты, театры, правления акционерного общества «Продукт», латышские колхозы, кустарные латышские артели и кооперативные предприятия в городах, различные латышские кружки осовавиахимовского типа, общество латышских стрелков при Осовавиахиме, латышские учебные заведения, землячества; группы латышей на транспорте, на оборонных и важнейших предприятиях и сооружениях. Под прицелом оказывались также «компактные массы латышей в различных учреждениях, предприятиях, совхозах, других точках». Наряду с советскими латышами аресту подлежали все без исключения латвийские подданные (кроме служащих посольств и консульств), а также «учтенные ранее» латышские «шпионы» и перебежчики. Лишь в конце меморандума глухо говорилось об «антисоветском активе»¹⁷.

Ключ к пониманию амбивалентности «национальных» операций во многом дает меморандум НКВД СССР от 28 мая 1938 г. № 1160 «О продлении упрощенного порядка рассмотрения дел лиц, арестованных в результате национальных операций НКВД». Сообщая местам о сохранении до 1 августа 1938 г. «альбомного» порядка «на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, избранных в шпионской, диверсионной, террористической и другой деятельности», заместитель наркома СССР М. П. Фриновский требовал «при проведении операции добиться исчерпывающей очистки от перечисленных к[онтр]-р[еволюционных] элементов *предприятий оборонной промышленности, оборонных цехов, транспорта, территорий укрепленных районов и пограничной полосы* (курсив наш. — А. Ж., Н. П., А. С.)»¹⁸.

Налицо дилемма, о которой мы уже писали ранее, а именно неоднородность сфер, в которых разворачивались массовые операции НКВД. Речь идет как об социально-экономической и общественно-политической, так и этнической неоднородности. Без сомнения, были области, этническую гомогенность которых партийно-политическое руководство СССР хотело любой ценой довести до максимума. Помимо предприятий оборонной промышленности, транспорта и приграничья, перечисленных выше М. П. Фриновским, такой сферой также была армия. Здесь этнические чистки стремились к тотальности.

Так, в соответствии с меморандумом НКВД СССР от 17 июня 1938 г. № 1355 из армии и флота подлежали увольнению все военнослужащие иностранного происхождения — поляки, немцы, финны, эстонцы, латыши, греки и пр. Всех увольняемых приказывалось подвергнуть тщательнейшей проверке и немедленно арестовывать при наличии компромата. Тех, кто избежал ареста, следовало «взять под тщательное агентурное наблюдение» и немедленно арестовывать «в случае установления фактов их антисоветской деятельности или агитации, попыток установить связь с иностранными консульствами или бегства за кордон»¹⁹. Аналогичная судьба, согласно меморандуму НКВД от 25 июня 1938 г. № 26213, ждала командиров Красной армии, «немцев, латышей, поляков, эстонцев, финнов, румын, корейцев и других национальностей, не относящихся к народам СССР»²⁰.

Особенно показательна в свете амбивалентности этнизации террора почтотелеграмма НКВД СССР от 23 февраля 1938 г. № 397 «о выявлении диверсионно-шпионских кадров из числа поляков, латышей, греков, немцев, харбинцев и др. в ходе вклейки фотографий в общегражданские паспорта». Речь идет о ноу-хау чекистов Белоруссии, «творчески» использовавших проводимую органами милиции работу по вклейке фотографий в общегражданские паспорта, которая предполагала возможность личного опроса каждого владельца паспорта. В результате только по 20 промышленным предприятиям Минска чекисты выявили 122 «скрывшихся перебежчика», 17 политэмигрантов, 644 лица иностранного происхождения (немцы, румыны, «харбинцы» и пр.). Ежов был в восторге от изобретательности подчиненных, приказав повсеместно внедрить белорусский опыт²¹.

Отметим, что в преамбуле документа прозвучала весьма важная фраза, на которую следует обратить внимание: «В процессе проведения широких операций по диверсионно-шпионским кадрам из среды поляков, латышей, греков, немцев, харбинцев и других некоторые местные аппараты УГБ пытаются оправдывать недостаточное выявление этих элементов ссылками на отсутствие учета и трудность постановки его в ходе операции. Между тем многие пути и возможности установления перебежчиков и других категорий, ускользнувших от учета, остаются неиспользованными, а вражеские кадры невыявленными и нерепрессированными»²².

Таким образом, здесь вновь наличию специфика реализации «национальных» операций в рамках разных сфер, в первую очередь в промышленности, где органы НКВД стремились к тотальной зачистке, испытывая при этом серьезные трудности по причине банальной физической нехватки (редкости)

«националов». Закономерным образом встает вопрос: каким образом аппараты госбезопасности реализовывали «национальные» операции в других местах, например в сельских районах в глубинке СССР, в местах компактного проживания «враждебных» этнических контингентов?

Почему Казахстан? Почему немцы? Казахская ССР была одной из союзных республик, на территории которых наиболее интенсивно осуществлялись «национальные» операции НКВД, в первую очередь «харбинская», «польская», «немецкая» и «иранская». Обусловлено это было тем, что со второй половины 1930-х годов Казахстан стал излюбленным местом этнической ссылки в СССР. Вторая по размерам территории из числа советских социалистических республик, богатая землей и полезными ископаемыми, Казахская ССР была крайне малонаселенной. Еще сильнее проблему народонаселения усугубил эксперимент по «осаживанию на землю» коренного казахского населения в начале 1930-х годов, что привело к голодомору и массовым откочевкам казахского населения за границу²³. Желание союзного руководства использовать природные богатства Казахстана породило множество честолюбивых экономических проектов, возможных лишь при условии массового переселения «колонистов».

Проблема решалась методом депортаций. Сначала в ходе массовой коллективизации в Казахстан переселили десятки тысяч раскулаченных крестьян, и к январю 1932 г. численность спецпереселенцев составила здесь около 180 тыс. чел.²⁴ С середины 1930-х годов к «кулацкой» ссылке добавилась этническая: в 1935 г. в Казахстан были сосланы 10,5 тыс. финнов из окрестностей Ленинграда; в 1936 г. последовала готовившаяся больше года высылка в Казахстан 15 тыс. семей поляков и немцев (в общей сложности около 70 тыс. чел.) из пограничных областей Украины; в 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан были депортированы около 95 тыс. корейцев. Кроме того, сюда же в те годы высланы несколько тысяч армян, иранцев, курдов и турок²⁵.

Что касается немцев, то к началу массовых операций НКВД 1937–1938 гг. в Казахстане сформировались две примерно равные по численности, но разные по происхождению группы советских немцев.

Первая группа, согласно переписи 1926 г., насчитывала около 51 тыс. чел., из них около 49 тыс. являлись сельскими жителями. В случае с этой группой населения речь шла преимущественно о немцах, мигрировавших в Казахстан до 1917 г. в ходе столыпинского переселения и расселившихся небольшими компактными группами на пространствах Северного и Центрального Казахстана: на 1926 г. в Акмолинской губернии было около 22 тыс. чел., в Кустанайской около 13 тыс., в Семипалатинской около 9 тыс. чел.²⁶

Вторая группа состояла из немцев, депортированных в Казахстан в 1930-е годы. Несколько тысяч немцев из Причерноморья и АССР Немцев Поволжья были высланы сюда в ходе раскулачивания начала 1930-х годов. Однако основная масса немцев — этнических ссыльных — депортирована в Казахстан в 1936 г. из Украины вместе с поляками. В июне 1936 г. в республику прибыли первые 5535 семей депортированных (26 778 чел.), в сентябре 1936 г. — еще 9465 семей (42 505 чел.). Всего было депортировано 69 283 чел.²⁷ Поскольку органы НКВД вели учет национальной принадлежности только по количеству

семей, историки вынуждены оперировать оценочными данными общей численности высланных поляков и немцев. С. Цесельский полагает, что из общего числа переселенцев поляки составляли минимум около 42 тыс. чел., соответственно численность депортированных немцев равнялась 27–28 тыс. чел.²⁸ из числа депортированных 64 319 чел. были расселены по спец- и трудпоселкам Северо-Казахстанской области, еще 4964 поселили в Южном Казахстане. Депортированным было запрещено менять место жительства, у них были отобраны паспорта²⁹.

Наличие этих двух групп немецкого населения в Казахстане следует рассматривать как опытную модель реализации чекистами операции по «немецкой» линии. Гипотетически можно предположить следующие альтернативные действия аппарата государственной безопасности Казахстана: 1) бессистемный арест немецкого «контингента» по этническому признаку; в этом случае под удар, скорее всего, попали бы примерно в равной степени представители обеих групп — как «коренные» немцы, так и депортированные; 2) селекция жертв; если допустить, что аппараты на местах, вне промышленных, пограничных и армейско-оборонных сфер, применяли в ходе «национальных» операций преимущественно осознанный террор, тогда в случае с немцами, в отличие от других национальных меньшинств на территории Казахстана, сотрудники органов госбезопасности оказались в ситуации выбора. Преимущественные репрессии должны были обрушиться либо на «коренных» немцев, либо на депортированных. Причем этот выбор оказывался далеко не таким уж простым и однозначным.

Казахские «немцы-колонисты», как и другие группы советских немцев, за 20 лет советской власти успели отрицательно зарекомендовать себя в глазах большевиков. Так, они приняли активное участие в Западно-Сибирском восстании — наиболее масштабном антикоммунистическом вооруженном выступлении крестьянства на территории РСФСР в годы Гражданской войны. В разведывательной сводке от 3 марта 1921 г. о боях, ведшихся частями Красной армии против повстанцев в северной части Петропавловского уезда, сообщалось: «[Со] стороны повстанцев, кроме казаков, сведенных [в] полки и дивизии, действуют отряды немцев, вооруженных винтовками и одетых [в] солдатские шинели». Дрались немцы ожесточенно, упорно отстаивая каждый населенный пункт³⁰.

Об отношении немцев Казахстана к коллективизации свидетельствует их участие в отчаянной попытке массовой эмиграции немцев из СССР осенью 1929 г., которая привлекла пристальное внимание мирового сообщества. В отличие от своих западносибирских соседей, немцы Казахстана достаточно поздно присоединились к эмиграции, и в Москву удалось выехать лишь 264 немцам (55 семей) из Павлодарского округа, из них 145 были принудительно возвращены в Казахстан сотрудниками ОГПУ. По дороге в Москву были также перехвачены и возвращены домой 231 немец из Акмолинского округа и 53 немца — из Семипалатинского. Всего же, по данным Полномочного Представительства ОГПУ по Казахстану, эмиграционным движением было охвачено

5037 из 8361 немецкого хозяйства Казахстана, т. е. около 60 % немцев распродали свое имущество в преддверии выезда или готовились это сделать³¹.

Казахстанские немцы оказались замешаны еще в одной громкой истории, вызвавшей резкое недовольство советского политического руководства во главе с И. В. Сталиным, а именно в кампании гуманитарной помощи голодающим советским немцам под названием «Братья в нужде», организованной в 1932–1933 гг. в Германии. Получатели продовольственных посылок и денежных переводов из-за границы обвинялись в СССР в передаче за границу секретных сведений о тяжелом положении и голоде среди немцев. В соответствии с телеграммой ЦК ВКП(б) от 5 ноября 1934 г.³², потребовавшей от местных парторганизаций и органов НКВД принять карательные меры в отношении «контрреволюционно и антисоветски настроенных элементов» немецких районов, по всему Советскому Союзу была проведена репрессивная кампания, жертвами которой стали около 4 тыс. советских немцев³³. Получатели «гитлеровской помощи» были также выявлены чекистами Казахстана. Так, только немцы г. Аулие-Ата и Верх-Таласского района за время с 1 января по 1 июля 1934 г. получили 241 перевод из Германии на сумму 2985 рейхсмарок. За получение «гитлеровской помощи» в Аулие-Атинском, Джувалинском, Келесском и Чимкентском районах Южно-Казахстанской области по состоянию на 17 ноября 1934 г. было репрессировано 17 немцев³⁴.

Депортированные в Казахстан немцы, несмотря на то что за ними сохранялись гражданские права, также представляли с точки зрения властей крайне неблагонадежный «контингент». Секретарь Красноармейского РК ВКП(б) Г. Патылицын так характеризовал в апреле 1937 г. «переселенцев» в своем письме секретарю Северо-Казахстанского обкома ВКП(б) С. С. Сегизбаеву: «Среди переселенцев имеется явно контрреволюционно-националистический элемент, как среди поляков, так и среди немцев, также и среди руководящего состава председателей сельских советов, колхозов»³⁵. Спустя месяц, 7 мая 1937 г., Красноармейский райком ВКП(б) констатировал «крайне неудовлетворительное» политическое настроение в переселенческих поселках, в частности: «Участились случаи организованных побегов, массовое выжигание степей, расхищение социалистической собственности, уклонение отдельных хозяйств от посадки огородов, наличие явно антисоветских контрреволюционно-провокационных разговоров, исходящих от явно контрреволюционных националистических элементов, направленных на подрыв работы в колхозах, организацию побегов и выжигание степей, особенно сенокосных угодий»³⁶. Начальнику районного отделения НКВД И. А. Соколенко и районному прокурору Назаркину райком ВКП(б) поручил принять срочные меры «к выявлению и изоляции» подрывных элементов, организовать показательный судебный процесс, а районному коменданту Вредихину через поселковых комендантов — принять меры, исключая побег (только с 25 апреля по 5 мая 1937 г. из трудпоселков района бежало 60 чел.)³⁷. Ситуацию в Красноармейском районе следует признать репрезентативной, так как в район было переселено 20 499 чел. из Украины — почти $\frac{1}{3}$ всех депортированных поляков и немцев.

Таким образом, обе группы казахских немцев представляли собой интерес как потенциальные объекты репрессий. Напомним, что именно участники эмиграционного движения 1929–1930 гг. и получатели «гитлеровской помощи» составили главные целевые группы «немецкой» операции в Западной Сибири. Тем не менее в случае целенаправленной селекции жертв можно предположить, что немцы, высланные в Казахстан в 1931–1936 гг., были для чекистов более предпочтительным объектом хотя бы потому, что в отношении них сравнительно недавно уже было принято репрессивное решение о депортации, в результате фактически каждый был заклеимен подозрением в «неблагонадежности». Следовательно, оформление следственного дела требовало гораздо меньше времени и трудозатрат. Так ли это было, покажет анализ статистики репрессий в отношении немцев Казахстана в ходе «немецкой» операции 1937–1938 гг.

«Немецкая» операция в Казахстане. Приговоры по «национальным» операциям изначально выносили Комиссия НКВД и прокурора СССР (двойка), Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР и Особые тройки. С августа 1937 г. по сентябрь 1938 г. карательные функции были закреплены за двойкой, созданной по приказу № 00485, в состав которой входили нарком внутренних дел Н. И. Ежов и прокурор СССР А. Я. Вышинский. В полномочия внесудебного органа входило подписание уже готовых протоколов, которые составлялись центральным аппаратом НКВД на основании пришедших из регионов справок на арестованных (так называемая альбомная справка). В «альбомных» справках указывались краткие анкетные данные и суть обвинения. Протоколы могли содержать сведения о разном количестве людей — от одного-двух до тысячи человек. Документ, подписанный двойкой, окончательно утверждал репрессивное решение в отношении арестованных. Параллельно с Комиссией НКВД и прокурора СССР работало Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР. Выносить репрессивные решения в отношении лиц, арестованных в рамках «национальных» операций, ОСО не имело права. В его задачи входило только оформление выписок на приговоренных к лагерному заключению, ссылке или выселению из страны.

Если раньше было принято считать, что двойка лишь формально оформляла решения мест, то теперь у исследователей возникает все больше оснований утверждать, что контроль Москвы за действиями региональных аппаратов госбезопасности осуществлялся достаточно эффективно. Работа Комиссии НКВД и прокурора СССР не сводилась к слепому визированию присланных с регионов «альбомных» справок. В рассмотрении репрессивных списков по «национальным» операциям чекисты задействовали весь центральный аппарат НКВД СССР. Территориальные карательные органы оформляли «альбомы» в четырех экземплярах и направляли их наркому внутренних дел Н. И. Ежову, его заместителю М. П. Фриновскому, начальникам третьего и восьмого отделов ГУГБ НКВД СССР А. К. Минаеву (до марта 1938 г.) и В. Е. Цесарскому (до августа 1938 г.) соответственно. В центральном аппарате НКВД СССР «альбомные» справки просматривались на предмет адекватности выбора меры наказания, далеко не всегда Комиссия НКВД и прокурора СССР утверждала предло-

женные регионами приговоры. Зачастую центральный аппарат НКВД не мог на основании «альбомной» справки вынести окончательный приговор, в таких случаях в Москву запрашивали следственные дела. На каждой справке черным карандашом соответствующими буквами и цифрами отмечали выбранную меру наказания: («Р» (расстрелять), «10», «8», «5», «3» (лет лишения свободы), «Д» (доследовать), «ВК» (Военная коллегия Верховного суда СССР), «суд», «ВТ» (военный трибунал), «ссылка», «высылка»). Кроме того, центральный аппарат строго следил за правильностью написания фамилий репрессированных. На протяжении всего времени проведения «национальных» карательных акций на места регулярно отправлялись письма с требованием уточнить имена арестованных. Также Комиссия НКВД и прокурора СССР не допускала повторной присылки справок на лиц, уже осужденных ранее по представлениям территориальных органов НКВД, требовала прекратить включать в списки и «альбомные» справки, присылаемые в центр, «мертвые души», т. е. лиц, в отношении которых приговоры были вынесены ранее³⁸. Тщательная работа с «альбомными» справками привела к тому, что уже весной 1938 г. Комиссия НКВД и прокурора СССР начала «захлебываться» в поступающих со всех регионов «альбомах» по «национальным» операциям.

В свою очередь, с мест множились жалобы на перегруженность тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговоренных к расстрелу заключенных и т. п. В этой ситуации Москва спасовала, и было принято решение о передаче карательных полномочий на места, в компетенцию вновь образованных внесудебных инстанций — Особых троек, в состав которых входили начальник территориального НКВД, прокурор республики, края или области и партийный секретарь. Этот орган, созданный по приказу НКВД СССР от 17 сентября 1938 г. № 00606, обязывался в двухмесячный срок разобрать скопившиеся в Москве «альбомные» справки на арестованных. Однако Москва подстраховалась в отношении контроля: согласно циркуляру НКВД СССР от 21 сентября 1938 г. № 189, тройки рассматривали дела «националов», арестованных исключительно до 1 августа 1938 г. Кроме того, тройкам запрещалось осуждать отдельные категории граждан, в первую очередь специалистов, имевших соответствующее образование.

В Казахской ССР «национальные» операции стартовали сравнительно поздно. Первый «альбом» по приказу № 00485 на 16 чел. был отправлен в Москву только в начале октября 1937 г. (через два месяца после начала массовых карательных акций), а первый список репрессированных по «немецкой» операции (на 8 чел.) республиканские чекисты отправили на утверждение Комиссии НКВД и прокурора СССР в конце ноября 1937 г.³⁹ Аресты по «национальным» операциям переросли в СССР в массовые только с весны 1938 г. Активизация репрессий связана с окончанием «кулацкой» операции, с этого времени главное место в карательной политике НКВД заняли «национальные» операции. Соответственно, пик террора в отношении «инонационального» и «иногражданского» населения в Казахской ССР пришелся на весну — лето 1938 г.

Согласно данным протоколов Комиссии НКВД и прокурора СССР, в республике в «альбомном» порядке, т. е. с осени 1937 г. по осень 1938 г., осуждению

подверглись 2988 чел. Решения двойки для Казахской ССР отличались особой жестокостью, высшая мера наказания была применена к 93 % репрессированных, в то время как в общесоюзном масштабе этот показатель составлял 78 %⁴⁰. Главное место в статистике казахских чекистов заняли «польская» (1055 чел.), «харбинская» (756 чел.) и «смешанная» (464 чел.) операции. Что же касается «немецкой» операции, которая в масштабе всего СССР традиционно занимала место в тройке фаворитов в статистике репрессий НКВД по «национальным» линиям, то в Казахской ССР она шла относительно вяло. С октября 1937 г. по сентябрь 1938 г. было осуждено 323 чел., что составило около 1 % от общего числа осужденных в СССР в рамках приказа № 00439⁴¹. Главными жертвами «немецкой» операции в Казахстане стали немцы (90 %), также репрессиям подверглись русские, поляки, украинцы, белорусы, евреи, латыши и другие, обвиненные в «германском» шпионаже.

Только 20 чел. из числа осужденных Комиссией НКВД и прокурора СССР по приказу № 00439 проживали в Казахской ССР до 1930 г., остальные 303 чел. были высланы в Казахстан в 1930-е годы, т. е. для большинства репрессия 1937–1938 гг. оказалась повторной, однако теперь в приговорах преобладала смертная казнь. Основной удар пришелся на немцев, высланных с территории Украины (21 %), АССР Немцев Поволжья (17 %), Польши (6 %), Нижнего (5 %) и Среднего (3 %) Поволжья и т. д.⁴² Всего же к моменту начала работы Особых троек осенью 1938 г. в Казахстане по «немецкой» линии было арестовано около полутора тысяч человек. Таким образом, Особым тройкам предстояло осудить в рамках «немецкой операции» еще около 1150 чел.

Особые тройки рассмотрели в Казахской ССР в двухмесячный срок (середина сентября 1938 г. — середина ноября 1938 г.) около 67 % дел, заведенных на арестованных по «национальному» признаку. В итоге Особые тройки в Казахской ССР осудили почти в два раза больше людей (5769 чел.), чем Комиссия НКВД и прокурора СССР за год работы. Результаты работы Особых троек свидетельствуют о том, что главными направлениями в карательной политике казахских чекистов оставались «харбинская» (1935 чел.) и «польская» (1040 чел.) операции⁴³. Что же касается «немецкой» операции, то теперь в статистике чекистов она поднялась на второе место. По ней было осуждено 1166 чел., что составило около 4,6 % от общего числа репрессированных по «немецкой» линии в СССР. Расстрельные приговоры были вынесены в 95 % случаев.

К сожалению, нам недоступны протоколы Особых троек по всем областям Казахстана. Но поскольку Особые тройки судили только лиц, уже арестованных чекистами до 1 августа 1938 г., можно экстраполировать полученные результаты и предположить, что «немцы-спецпереселенцы» продолжали превалировать среди жертв по сравнению с «немцами-колонистами». Умозаключение о том, что тенденции, заложенные в Казахстане в начале проведения «немецкой» операции, сохранились и к ее завершению, в определенной степени подтверждает анализ решений Особой тройки по Восточно-Казахстанской области. Здесь карательная акция по приказу № 00439 заняла второе место после «харбинской» кампании. Всего по «немецкой» линии Особая тройка по Восточно-Казахстанской области репрессировала 157 чел., что составило 21,5 % от общего числа

лиц, осужденных данной тройкой. При этом только 40 чел. из 157 являлись жителями Казахстана, в том числе 37 чел. — жителями Восточно-Казахстанской области. Остальные $\frac{3}{4}$ репрессированных по «немецкой» линии (117 чел.) были принудительно высланы в Казахстан в 1930-е годы⁴⁴.

Таким образом, статистические данные НКВД свидетельствуют о том, что в ходе реализации «немецкой» операции в Казахской ССР местные аппараты госбезопасности практиковали преимущественно осознанный террор, сконцентрировав свой удар на группе немцев, депортированных в республику в 1931–1936 гг. Очевидно, что оформление следственных дел в отношении депортированных и обоснование обвинительного заключения представлялись более простыми актами, чем выявление «антисоветских элементов» среди «немцев-колонистов», требовавшее бóльших затрат времени и труда. Оказавшись в условиях выбора, чекисты Казахстана предпочли более легкий вариант. Обвинения в шпионаже и связи с границей было гораздо проще инкриминировать людям, проживавшим до 1936 г. в пограничных районах Киевской и Винницкой областей, чем старожилам казахской глубинки. Кроме того, арест тех немцев, кто активно проявлял негативное отношение к факту насильственного переселения и выражал недовольство тяжелой жизнью на новом месте, позволил органам НКВД «навести порядок» в колхозах и трудпоселках, население которых испытывало серьезные бытовые трудности сразу же после переселения. Возможно, этот мотив «социальной инженерии» был даже главенствующим при принятии репрессивного решения. Что же касается массовых арестов по одному лишь признаку принадлежности к «неблагонадежной» этнической группе населения, можно с уверенностью утверждать, что вне специфических приграничных, промышленных и оборонно-армейских сфер чекисты предпочитали производить селекцию жертв, отбирая лиц, уличенных в связи с границей и антисоветской деятельности в прошлом и настоящем.

¹ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003.

² Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53, no. 2. P. 414–452.

³ Савин А. И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // *Россия*. XXI. 2012. № 3. С. 40–61. — Статья была переведена на английский, немецкий и украинский языки: Savin A. Ethnification of Stalinism? National Operations and the NKVD Order no. 00447 in a Comparative Perspective // *Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research* / ed. by A. Kotljarchuk, O. Sundström. Stockholm, 2017. P. 49–68; Savin A. Ethnisierung des Stalinismus? Die “nationalen” und “Kulaken”-Operationen des NKVD: Ein Vergleich. URL: <https://www.ikgn.de/cms/index.php/downloads1/send/44-uebersetzte-geschichte/730-andrej-savin-ethnisierung-des-stalinismus> (дата обращения: 17.03.2019); Savin A. Етнізація сталінізму? “Національні” і “куркульська” операції НКВС у порівняльній перспективі. URL: <http://uamoderna.com/md/savin-stalinizm> (дата обращения: 17.03.2019).

⁴ «Большой террор» в Украине: немецкая операция 1937–1938 годов: сб. документов / под ред. А. Айсфельда, С. Кокина, А. Когута и др. Киев, 2018.

⁵ Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / под ред. М. Юнге, Б. Бонвеча, Д. Мюллера. М., 2015.

⁶ Потапова Н. А.: 1) Механизмы, целевые категории и масштабы «харбинской» операции НКВД СССР 1937–1938 гг. в Украине // *З архівів ВУЧК — ГПУ — НКВД — КГБ*. 2017.

№ 1 (47). С. 87–112; 2) «Национальные» операции НКВД СССР в советских республиках Южного Кавказа (сентябрь 1937 — ноябрь 1938 гг.) // Вестник архивов Армении. 2018. № 126. С. 75–100; 3) «Харбинская» операция НКВД СССР (сентябрь 1937 — ноябрь 1938 гг.) в Красноярском крае: общее и особенное в организации и проведении репрессивной акции // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 6. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-06.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).

⁷ В начале 1938 г. органы госбезопасности в соответствии с директивами НКВД СССР № 302 и № 306 осуществляли так называемую смешанную операцию, в рамках которой репрессиям подвергались немцы, поляки, китайцы, корейцы, латыши, греки, «харбинцы» и другие группы населения, в отношении которых уже шли репрессивные кампании в соответствии с оперативными приказами НКВД СССР, что привело к интенсификации репрессий.

⁸ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

⁹ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 35–75.

¹⁰ Аблажей Н. Н.: 1) «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85; 2) С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.

¹¹ Джуха И. Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006.

¹² Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ). Ф. 8ос. Оп. 1. Порядок 70. Л. 17.

¹³ Приказ № 00439 формально имел мало общего с директивами по «линейным» карательным акциям. Он предписывал в течение пяти дней провести аресты всех германских подданных, работающих или работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, а также на железнодорожном транспорте. Однако другого приказа, «запустившего» репрессии по «немецкой» линии, отдано не было. Встречаются отчеты территориальных органов НКВД, в которых указывается, что преследования «немецких шпионов» осуществлялись «в порядке приказа 00485» («польская» операция). Тем не менее Комиссия НКВД и прокурора СССР в своих протоколах по «немецкой» линии ссылалась именно на приказ № 00439.

¹⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Пор. 2. Л. 39–41. — Документ был опубликован с лакунами в: «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. Т. 2: 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности» / сост. М. Юнге, С. Кокин, Р. Биннер и др. М., 2010. С. 566–567. — Лакуны в публикации объясняются отсутствием последней страницы приказа в деле, хранящемся в архиве СБ Украины.

¹⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Порядок 2. Л. 64–65.

¹⁶ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Порядок 6. Л. 14.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Порядок 2. Л. 60–61.

¹⁸ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Порядок 6. Л. 30.

¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Порядок 2. Л. 77–78.

²⁰ Там же. Ф. 100. Оп. 1. Порядок 6. Л. 40–41.

²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Порядок 2. Л. 58–61.

²² Там же.

²³ См. об этом: Киндлер Р. Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане. М., 2017.

²⁴ Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts / Hrsg. von D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Tröbst. Wien; Köln; Weimar, 2010. S. 336.

²⁵ Ibid. S. 337.

²⁶ Волкова Т. П. Немецкие колонии в Казахстане: История создания (конец 1920-х — начало 1930-х годов) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг.: мат-лы междунар. науч. конф. М., 2000. С. 252; Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): сб. документов. Алматы, 1997. С. 18.

²⁷ Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.: сб. документов / под ред. В. Н. Шепель и др. Алматы, 2014. С. 69.

²⁸ Lexikon der Vertreibungen. S. 526.

²⁹ Ibid.

³⁰ Российский государственный военный архив. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 43 (документ предоставлен В. И. Шишкиным).

³¹ Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001. S. 294–295.

³² Приводится по: Шишкин В. И. Советские немцы: у истоков трагедии // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Новосибирск, 1994. С. 102–103.

³³ Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 77.

³⁴ Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). С. 79–82.

³⁵ Из истории депортаций. Казахстан. С. 85.

³⁶ Там же. С. 89–90.

³⁷ Там же.

³⁸ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и прокурора СССР по приказу № 00485). Порядок 7788. Л. 152–153.

³⁹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и прокурора СССР по приказу № 00439).

⁴⁰ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Порядок 70. Л. 18.

⁴¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и прокурора СССР по «национальным» операциям).

⁴² Архив УФСБ по Омской области. Ф. 6. (Протоколы Комиссии НКВД и прокурора СССР по приказу № 00439).

⁴³ ЦА ФСБ. Ф. 8ос. Оп. 1. Порядок 70. Л. 42.

⁴⁴ Архив Департамента внутренних дел Восточно-Казахстанской области. Ф. 19. Оп. 2. Д. 4856.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2019 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Жанбосинова А. С., Потапова Н. А., Савин А. И. «Немецкая» операция в Казахской ССР (1937–1938 годы): к вопросу об этнической составляющей Большого террора // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 119–135.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108>

УДК 94(47) — 1937/1938

Аннотация: «Национальные» операции НКВД СССР периода Большого террора продолжают оставаться одной из наиболее острых дискуссионных тем советской истории. Резкий разрыв преемственности с предыдущей национальной политикой большевиков побуждает историков выдвигать разные объяснения случившегося. Одна часть исследователей полагает, что в основе «национальных» операций лежала этнизация образа врага, в результате чего этнический аспект якобы получил в карательной политике сталинизма приоритет над социальным аспектом. Другие историки считают, что главным мотивом «национальных» операций НКВД было стремление власти ликвидировать любые связи советских граждан с «враждебным капиталистическим окружением». В результате, главной целевой группой репрессий стали представители этнических групп, поддерживавшие в прошлом и/или настоящем контакты с заграницей, а также замеченные в «антисоветском» поведении. В статье с опорой на ранее неизвестные исследователям директивы и внутреннюю статистику НКВД СССР, выявленные в Центральном архиве ФСБ РФ, вновь обсуждается тезис об этнической составляющей Большого террора на примере «немецкой» операции в Казахстане. В результате, авторы пришли к выводу об амбивалентном характере «национальных» операций. В условиях таких сфер, как промышленность, транспорт и армия, в отношении «националов» действительно практиковался тотальный террор, когда селекция жертв фактически стремилась к нулю. Зато в сельской местности СССР, в глубинке, в местах компактного проживания

«враждебных» этнических «контингентов», органы госбезопасности проводили селекцию жертв. Так, в Казахской ССР главной целевой группой «немецкой» операции стали немцы, депортированные в Казахстан в 1931–1936 гг. и крайне недовольные своим положением. Группа немцев, добровольно переселившихся в Казахстан до 1917 г., пострадала в гораздо меньшей степени.

Ключевые слова: Большой террор, национальные операции, немецкая операция, Казахстан, внесудебные инстанции, ксенофобия, этнизация террора.

Исследование выполнено в рамках проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан № AP05130870 «Память о жертвах политических репрессий (1920–1950-е гг.) и ее фиксация в сакральном ландшафте Казахстана (на примере Восточного Казахстана)».

Сведения об авторах: *Жанбосинова А. С.* — д-р ист. наук, проф., Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан); sovetuk@rambler.ru | *Поталова Н. А.* — канд. ист. наук, стажер-исследователь, Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия); skna17talya@mail.ru | *Савин А. И.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия); a_savin_2004@mail.ru

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Казахстан, Усть-Каменогорск, 070020, ул. 30-й Гвардейской Дивизии, 34

Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, Новосибирск, 630090, ул. Николаева, 8

FOR CITATION

Zhanbosinova A. S., Potapova N. A., Savin A. I. “German” Operation in the Kazakh SSR (1937–1938). On the Question of the Ethnic Component of Great Terror’, *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 119–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108>

Abstract: The “national” operations of the NKVD during the Great Terror remain one of the hottest debates in Soviet history. The sharp gap between the Bolsheviks’ previous national policy encourages historians to advance various explanations about what happened. Some scholars believe that “national” operations were based on an ethnization of the image of the enemy, and as a result, the ethnic aspect allegedly received a priority over the social aspect in the punitive policy of Stalinism. Other historians believe the main reason for the “national” operations of the NKVD was the authorities’ desire to eliminate any ties of Soviet citizens with the “hostile capitalist environment.” The article presents directives and internal statistics of the NKVD, found in the Central Archive of the FSB of the Russian Federation and previously unknown to researchers. The authors discuss the thesis of the ethnic component of the Great Terror, using the example of the “German” operation in Kazakhstan. The “national” operations were ambivalent. Under conditions of such “landscapes” as industry, transport, and the army, total terror was aimed at “nationals” with practically no selection of victims. However, in the countryside, in the “outback” of the USSR, in places of compact residences of “hostile” ethnic “contingents,” the state security bodies actively selected their victims. Thus, in the Kazakh SSR, the Germans deported to Kazakhstan in 1931–1936 and who were extremely dissatisfied with their living conditions became the main target group of the “German” operation. Germans who voluntarily moved to Kazakhstan before 1917 suffered much less.

Keywords: great terror, national operations, German operation, Kazakhstan, extrajudicial instances, xenophobia, ethnization of terror.

This research is a part of a project of the Control Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AP05130870 “Memory of the victims of political repression (1920–1950’s) and its fixation in the sacral landscape of Kazakhstan (on the example of East Kazakhstan)”.

Authors: *Zhanbosinova A. S.* — Dr. Sci. in History, Professor, S. Amanzholov East-Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan); sovetuk@rambler.ru | *Potapova N. A.* — PhD, Trainee-Researcher, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); skna17talya@mail.ru | *Savin A. I.* — PhD, Senior researcher, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); a_savin_2004@mail.ru

S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, 34, ul. 30-i Gvardeyskoi divizii, Ust-Kamenogorsk, 070020, Kazakhstan

Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

References:

- Ablazhey N. N. "Harbin Operation" of the NKVD in 1937–1938', *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 2, 2008. (In Russian)
- Ablazhey N. N. *From East to East: Russian emigration in China* (Novosibirsk, 2007). (In Russian)
- Bolshevik Order in Georgia*, in 2 vols., Vol. 1: *The Great Terror in a Small Caucasian Republic*, eds M. Junge, B. Bonwetsch, D. Müller (Moscow, 2015). (In Russian)
- Brandes D., Savin A. *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938* (Essen, 2001).
- "Through the Corpses of the Enemy for the Benefit of the People". "Kulak Operation" in the Ukrainian SSR, 1937–1941, in 2 vols., Vol. 2: 1938–1941. *The Second Stage of Repression. Completion of the Great Terror and the Restoration of "Socialist Legality"*, comp. M. Junge, S. Kokin, R. Binner and oths. (Moscow, 2010). (In Russian)
- Dzhukha I. G. *Greek Operation. The History of Repression against the Greeks in the USSR* (St. Petersburg, 2006). (In Russian)
- From the History of Deportations. Kazakhstan. 1935–1939*, Collection of Documents, eds V. N. Shepel and oths. (Almaty, 2014). (In Russian)
- From the History of the Germans of Kazakhstan (1921–1975)*, Collection of Documents (Almaty, 1997). (In Russian)
- Junge M., Binner R. *How Terror Became Big. Secret Order No. 00447 and Technology for its Execution*. (Moscow, 2003). (In Russian)
- Khaustov V. 'Repressions against Soviet Germans before the Start of the Mass Operation in 1937', *Nakazannyi narod: Repressii protiv rossiiskikh nemtsev* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Kindler R. *The Stalin Nomads. Power and Famine in Kazakhstan* (Moscow, 2017). (Rus. Ed.)
- Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Hrsrg. von D. Brandes, H. Sundhaussen, S. Tröbst (Wien — Köln — Weimar, 2010).
- Okhotin N. G., Roginskiy A. B. 'From the History of the "German Operation" of the NKVD of 1937–1938', *Nakazannyi narod: Repressii protiv rossiiskikh nemtsev* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Potapova N. A. 'The Mechanisms, Target Categories and Dimensions of the "Harbin" Operation of the NKVD of the USSR in 1937–1938 in Ukraine', *Z arkhivov VUCHK — GPU — NKVD — KGB*, no. 1 (47), 2017. (In Russian)
- Potapova N. A. "National" Operations of the NKVD of the USSR in the Soviet Republics of the South Caucasus (September 1937 — November 1938)', *Vestnik arkhivov Armenii*, no. 126, 2018. (In Russian)
- Potapova N. A. "Harbin" Operation of the NKVD of the USSR (September 1937 — November 1938) in the Krasnoyarsk Krai: General and Special in Organizing and Conducting a Repressive Action', *Istoricheskiy kur'er*, no. 1 (3), 2019. (In Russian). DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-6.
- Petrov N. V., Roginskiy A. B. "Polish Operation" of the NKVD 1937–1938', *Repressii protiv poliakov i pol'skikh grazhdan* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Savin A. I. 'Ethnization of Stalinism? National Operations and the NKVD Order No. 00447 in a Comparative Perspective', *Rossia. XXI*, no. 3, 2012. (In Russian)
- Savin A. 'Ethnification of Stalinism? National Operations and the NKVD Order No. 00447 in a Comparative Perspective', *Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research*, eds A. Kotljarchuk, O. Sundström (Stockholm, 2017).
- Shishkin V. I. 'Soviet Germans: at the Source of the Tragedy', *Vozvrashchenie pamiati: Istoriko-publitsicheskii al'manakh* (Novosibirsk, 1994). (In Russian)
- Slezkine Y. 'The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism', *Slavic Review*, vol. 53, no. 2, 1994.
- The "Great Terror" in Ukraine: the German Operation of 1937–1938*, Collection of Documents, eds A. Eisfeld, S. Kokin, A. Kogut (Kiev, 2018). (In Russian)
- Volkova T. P. 'German Colonies in Kazakhstan: Origin (Late 1920s — Early 1930s)', *Nemtsy Rossii i SSSR: 1901–1941 gg.: mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* (Moscow, 2000). (In Russian)

Received: April 4, 2019

Accepted: November 14, 2019